

В. Л. Янин

*О себе
и о других*

Валентин Янин

О себе и о других

«Нестор-История»

2020

УДК 82-43
ББК 83.3Р73-22

Янин В. Л.

О себе и о других / В. Л. Янин — «Нестор-История», 2020

ISBN 978-5-4469-1787-7

Книга выдающегося историка и археолога Валентина Лаврентьевича Янина (1929–2020) знакомит читателя с новой гранью его таланта. Она составлена из его устных рассказов, в которых он делится историями из своей жизни и сюжетами, связанными с другими людьми. Кроме рассказов в книгу включены шуточные сочинения В. Л., написанные им по разным поводам. Обладая большим чувством юмора, В. Л. умел видеть смешное и забавное в обычных сценках из жизни. Записанные автором истории сохраняют стиль его устных рассказов и присущий ему юмор. Публикуемая книга доставит удовольствие самому широкому кругу читателей, которые оценят талант рассказчика, его острый ум, наблюдательность и добрую иронию по отношению к себе и к другим участникам его историй. Улыбка и смех при прочтении этих рассказов благотворно повлияют на настроение читателя, и он с сожалением покинет страницы этой увлекательной книги. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-43
ББК 83.3Р73-22

ISBN 978-5-4469-1787-7

© Янин В. Л., 2020
© Нестор-История, 2020

Содержание

Предисловие	6
О себе	8
Детство	8
Мой первый роман	8
Мой первый опыт торговли	9
Мое религиозное воспитание	9
Мои первые политические воспоминания	9
В Москве	10
В Илкодине во время войны	10
О дедe Степане Ефимовиче Маслове	11
Из маминых воспоминаний	11
Мое сходство с отцом	12
Школа	14
Москва, Донская улица	14
Школа № 7	15
Мне сделал замечание сам Сталин	15
Банкет в Колонном зале	16
Студенческие годы	17
Моя первая экспедиция. Новгород-1947	17
Что есть мычание?	22
Мои однокурсники	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Валентин Лаврентьевич Янин

О себе и о других

© Е. А. Рыбина, 2021

Предисловие

В. Л. никогда не вел дневниковых записей, не писал мемуары, но часто в дружеских компаниях, в кругу друзей и коллег рассказывал разные истории из своей жизни и забавные ситуации, случавшиеся с другими. Много из этих сюжетов он наблюдал сам, что-то знал по рассказам друзей, знакомых, коллег. Круг его общения был велик! В. Л. был великолепным рассказчиком, в его исполнении заурядные истории, рядовые события становились смешными и забавными. Он умел видеть смешное в обычных сценках из жизни.

Чувство юмора В. Л. унаследовал от отца, Лаврентия Васильевича Янина, который, по рассказам родных, любил пошутить, рассказывал смешные истории и анекдоты. В семье его звали Яшкой, а младшие – дядей Яшей.

В какой-то счастливый момент В. Л. пришла мысль записать свои устные рассказы. Еще в 90-е годы он освоил компьютер и, спустя время, стал записывать свои истории в папку под названием «Метод». Записывал все подряд, не группируя рассказы по сюжетам или персонажам.

Разные издатели просили В. Л. опубликовать эти рассказы в виде книги, но В. Л. всегда отнекивался. Только в 2002 г. к 100-летию А. В. Арциховского он согласился опубликовать рассказы о своем учителе в журналах «Вестник РАН» и «Российская археология». В том же году был впервые опубликован рассказ о первой экспедиции в Новгород в сборнике «Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н. Я. Мерперта». Но мысль о подготовке рассказов к публикации в последние годы занимала В. Л. Мы перечитывали с ним отдельные истории, обсуждали структуру и содержание будущей книги.

Многие услышанные от В. Л. истории пересказываются его коллегами, друзьями, учениками, но, далекие от оригинала, они сохраняют лишь суть той или иной истории, утрачивая при этом янинский стиль, интонацию и присущий ему юмор. Публикуемые теперь устные рассказы В. Л. познакомят читателя с их оригинальными текстами.

* * *

Все записанные рассказы В. Л. я сгруппировала по содержанию, что нашло отражение и в названии книги «О себе и о других». Книга состоит из пяти частей, озаглавленных: «О себе», «О других», «Разное», «В мире языка», «Ненаучные сочинения», и списка лиц, упоминаемых в рассказах.

В часть «О себе» включены биографические рассказы о детстве, школьных и студенческих годах, аспирантуре, а также разные истории, происходившие с В. Л. в дальнейшем. Кроме того, сюда же помещены еще два раздела, один из которых назван «Новгородские истории», участником или свидетелем которых был В. Л. Последний раздел биографической части содержит рассказы В. Л. о встречах с разными людьми, о его поездках и впечатлениях.

В части «О других» собраны истории об археологах, ученых других специальностей и людях литературы и искусства. Каждый из трех разделов выстроен примерно в алфавитном порядке, но только раздел «Об археологах» начинается с историй о новгородских археологах, после чего следуют сюжеты об археологах других специализаций: первобытниках, античниках, скифологах и т. д.

В раздел «Разное» помещены занимательные истории, которые не вписываются в предыдущие части. Здесь немало историй, в которых В. Л. сам был непосредственным участником, другая часть историй была рассказана ему друзьями и коллегами, которые, зная о любви В. Л. к шуткам и забавным случаям, охотно делились с ним занимательными сюжетами.

Отдельная небольшая главка «В мире языка» посвящена разного рода языковым казусам, на которые В. Л. любил обращать внимание.

В ходе подготовки книги к изданию вспомнилось, что кроме устных рассказов В. Л. принадлежат сочинения, не включенные им в папку «Мемог». В их числе «Пашутиана», стихотворные переложения текстов берестяных грамот и «Рифмы по случаю», которые было решено поместить в раздел «Ненаучные сочинения».

Что такое «Пашутиана» и почему она не вошла в «Мемог»? В 1975 г. В. Л. в составе делегации Национального комитета историков СССР был командирован в Финляндию, где в Тампере и Хельсинки состоялись заседания советско-финской комиссии по истории. Среди членов советской делегации был историк В. Т. Пашуто, с которым В. Л. был дружен и много общался во время этой поездки. Спустя некоторое время В. Л. со свойственным ему юмором изложил «похождения» В. Т. Пашуто в Финляндии и другие истории под названием «Невыдуманные рассказы псевдоанонима Фильки о Пашуте», напечатав их на пишущей машинке. В таком виде они и сохранились в архиве В. Л. Разумеется, с этими рассказами был знаком их герой, его друзья, коллеги, знакомые, а также круг общения В. Л. Через много лет эти рассказы друзья и коллеги Пашуто опубликовали в сборнике его избранных трудов.

В рассказах В. Л. упоминается около трехсот имен, большинство из которых современному читателю незнакомо. В конце книги дается список таких лиц с краткими сведениями о них. Однако в него не включена часть имен, снабженных в соответствующем рассказе авторским комментарием. Кроме того, в список не включены упоминаемые в рассказах наиболее известные поэты, писатели, актеры.

Подстрочные примечания сделаны во время подготовки книги к публикации.

Все истории, записанные В. Л., переданы в авторской редакции. Во многих из них действие излагается в настоящем времени, соответствующем тому, когда эти истории происходили. И хотя с тех пор прошло много лет, я не стала заменять в рассказах В. Л. настоящее время на прошедшее.

* * *

Активное участие на всех этапах подготовки книги к изданию принимал Леонид Александрович Бассальго, которому я глубоко признательна за постоянную помощь и горячую поддержку. С ним мы обсуждали структуру книги, компоновку разделов, порядок расположения в них янинских рассказов и т. д. Особа я благодарна Марфе Никитичне Толстой за изготовление макета и творческий подход к его оформлению. Я также благодарна Алексею Алексеевичу Гиппиусу, Виктору Кашмировичу Сингху и Ирине Семеновне Пекуновой за участие и помощь в работе над книгой.

В книге публикуются фотографии из семейного архива В. Л. и архивов Б. А. Колчина и Новгородской археологической экспедиции, а также фотографии из открытых источников. Часть фотографий прислали И. А. Аржанцева, Л. И. Вуич, Н. В. Лопатин, Е. А. Мельникова, В. А. Ромодановская, О. С. Чурсина, которым я очень благодарна.

Елена Рыбина
август 2020 г.

О себе

*Тургенев где-то заметил,
что о многом люди пишут с интересом,
а о себе – с аппетитом.*

Детство

Мой первый роман

Ранние детские воспоминания связывают меня с пребыванием в младшей группе детского сада, который находился в помещении школы № 6 Орехово-Зуева. В этой школе учительницей младших классов работала моя мама, насколько я понимаю, в две смены. Утром она приводила меня за ручку в детский сад, а по окончании своих занятий так же за ручку уводила домой. Отчетливо помню большой зал, уставленный кроватями, на которых мы проводили «мертвый час», а вдоль стены стоял длинный ряд ночных горшков, каждый из которых был персонально закреплен за воспитанниками детсада. Мой горшок оказался рядом с горшком Жени Раевой, с которой я и подружился, оценив ее красоту и живой характер.

В один прекрасный день мама пришла забрать меня домой, но в детском саду меня не нашла. Расспросив воспитательниц, она выяснила, что в последний раз меня видели с Женей Раевой. Мама узнала ее адрес: Женя жила не в Зуеве, где находилась школа № 6, а в Орехове, на другом конце города, за Клязьмой, куда дорога вела через Малый мост. Добравшись до квартиры Раевых, мама обнаружила меня увлеченным игрой. Я бешено сопротивлялся, когда она забирала меня домой, потому что у Жени игрушек больше и они лучше, чем у меня. Уводила меня мама под мой громкий рев.

* * *

Вероятно, обретенная тогда – хотя и ненадолго – свобода стала причиной некоторых последовавших приключений. Я научился читать очень рано – года в четыре. Отец любил вспоминать, как пришедший к нему приятель был потрясен, застав меня лежащим на полу и читающим роман Мопассана «Монт-Ориоль» в издании огоньковской серии 1930 года зарубежной художественной литературы. Моими читательскими способностями активно воспользовались детсадовские воспитательницы. По их просьбе я неоднократно бегал достаточно далеко, к кинотеатру «Заря», узнать, какой сегодня идет фильм. Однажды мама случайно увидела меня на улице, когда я бежал в детский сад с полученной из чтения афиши информацией.

* * *

Самый тяжелый для меня эпизод, связанный с самовольным передвижением по городу, относится к тому времени, когда мне было уже семь лет. Я вместе со своими друзьями-сверстниками бегал на Клязьму купаться, о чем родителям не было известно. На мое несчастье родители купили три билета на только что вышедший на экраны первый советский цветной фильм «Груня Корнакова» («Соловей-Соловушко»). Третий билет предназначался мне, и, не найдя

меня, вернувшись из кинотеатра, родители произвели следствие, увенчавшееся моим полным разоблачением и заслуженным наказанием.

Мой первый опыт торговли

В Орехово-Зуеве в нашем доме на улице Володарского (бывший дом купца Захряпина) жила семья Пересыпкиных. Глава семьи постоянно находился в отъезде, присылая время от времени жене и детям гостинцы. Эти гостинцы жена превращала в небольшие деньги, посылая на рынок старшую дочь Нюрку их продавать. Нюрка однажды уговорила меня пойти вместе с ней на рынок и зазывать желающих покупать у нее присланные отцом пряники. За работу мне было обещано два пряника. Я, будучи уже начитанным, кричал на рынке: «А вот кому?! Пряник мятный ароматный удивительно приятный!..» В результате все пряники были распроданы, а я остался без обещанного вознаграждения, что было воспринято мной как жестокий обман. Мама, отправившись на поиски, встретила меня зареванным и оскорбленным коварным предательством Нюрки. А на следующий день знакомая учительница рассказала ей, как она была удивлена, увидев меня торгующим пряниками.

Мое религиозное воспитание

С самого раннего возраста летом я ежегодно гостил в селе Илкодино у маминых родителей. В их доме членом семьи, взяв даже фамилию «Маслова», стала старая нянька Мавра Дмитриевна Волкова («Митревна»), нянчившая еще мою маму, ее сестер и братьев, а впоследствии и моих старших двоюродных сестер и братьев. В моем молочном детстве она тайно окрестила меня в деревенской церкви.

Однажды, когда вся семья сидела за столом, я, еще не зная слов «мама» и «папа», показал пальчиком на икону в красном углу и сказал: «Бог! Бог! Бог!» Бабушка ахнула: «Устами младенца глаголет истина!» А Митревна пояснила: «Это я его научила».

Будучи сыном советских врача и учительницы, я, естественно, был далек от познания «Закона Божия». Однако кое-что из него узнал еще в самом раннем детстве, гостя у бабушки. Засыпая и просыпаясь, я слышал, как молятся наши старики, и на всю жизнь запомнил «Отче наш», «Верую» и «Богородице Дево, радуйся». Главные молитвы в раннем детстве я запоминал со слуха, наблюдая коленопреклоненную перед иконами бабушку. При этом возникали неизбежные казусы. В Богородичной молитве слова «яко Спаса родила еси душ наших» я долго воспроизводил как «*Яша Пашу родила*» и т. д.

* * *

Результат «религиозного воспитания» сказался в детском саду. Насмотревшись на крестные ходы в зуевской церкви, я стащил у соседской старушки маленькую иконку (со стыдом об этом вспоминаю). Принес ее в садик. Там мы с приятелями укрепили иконку на щетке, обвили полотенцами и прошли «крестным ходом» по всем комнатам, после чего о моем грехопадении стало широко известно.

Мои первые политические воспоминания

Самое первое – 2 декабря 1934 года. Мне пять лет. Около дома в Орехово-Зуеве газетный киоск. К нему небольшая очередь. Каждый купивший газету тут же разворачивает ее. Она необычна: вся первая полоса заключена в жирную черную рамку. Это сообщение об убийстве Кирова.

Второе воспоминание. Отец увлекается радиodelом, собрал ламповый приемник, установил на крыше антенну, соорудил дубовую доску с динамиком.

Пока родители на работе, я слушаю радио. А когда они возвращаются, рассказываю им последние новости:

- Папа! Мама! Енукидзе сняли!
- За что же его сняли?
- А он аппарат засорил!
- Какой аппарат?
- Какой еще? Наверное, фотографический!

* * *

В деревне, гостя у бабушки, когда мне было лет шесть или семь, я принялся распевать подхваченную у кого-то частушку: «Жить стало лучше, жить стало веселей. Было три копейки – стало пять рублей». Бабушка цыкнула: «Что ты поешь? Посадят, как деда».

А я ей отвечал: «Что же тут плохого? У меня было 3 копейки, а теперь стало 5 рублей. Это ведь хорошо».

* * *

В те годы популярна была расшифровка аббревиатуры ОГПУ¹: «О, Господи! Помоги убежать!» И обратно: «Убежишь – поймают, голову оторвут!»

В Москве

В 1938 году моя семья переехала из Орехово-Зуева в Москву, где отцу была предоставлена двухкомнатная квартира на Донской улице. Нашими соседями на последнем этаже пятиэтажного дома оказались две семьи: Марковых и бывшей санитарки Щорса Анны Цезаревны Сорокиной-Барановой. Вместе с ее семьей, располагавшей приглашениями на все праздники, проводимые на Красной площади, я эти праздники регулярно посещал.

В Илкодине во время войны

В июне 1941 года родители отвезли меня в Илкодино к моей бабушке, где меня застала война. Когда приехали в Илкодино, маму навестила ее подруга Александра Алексеевна, дочь маминого первого учителя Алексея Егоровича Кроткова. Они надолго засиделись за разговором и воспоминаниями. Через некоторое время из-за перегородки раздался голос няньки Митревны: «Сидят. Карасин жгут. А где нонче карасин? В ж-е кошкиной карасин!»

* * *

В Илкодине я прожил до весны 1943 года, когда вернулся к маме в Москву. Навсегда запомнилась жизнь в селе во время войны. Два летних сезона – 1941 и 1942 гг. – я буквально не вылезал из леса, собирая грибы, которые относил на заготовительный для армии пункт, где их взвешивали и выдавали мне расписки. Когда их набиралось достаточное количество, эти расписки обменивались на соль, спички, махорку, иногда на бутылку водки, а бабушка тогда

¹ Объединенное государственное политическое управление.

нанимала стариков, чтобы напилить и привезти из лесу дрова. У этих стариков, не выговаривавших слово «эвакуированные», мы проходили с наименованием «выковыриванные», а когда нас призвали работать на колхозном поле, те же старики стали говорить: «Хватит им: припеваючи пожили. За грибами, за ягодками походили».

* * *

Наши войска, отступая в 1941 году (им на смену тогда пришли сибиряки), прошли через наше село, оставив между Селищами и Илкодиным многочисленные трупы павших от голода лошадей. Около лошадиных трупов собирались стаи волков. Возвращаясь из селищенской школы, мы запасались кресалами, чтобы при встрече с волками высекать отпугивающий их огонь. Однажды я, отстав от своих товарищей, шел один, когда впереди увидел блестящие волчьи глаза. Подойдя к ним поближе, я высек из кресала огонь и с облегчением убедился в том, что это не волчьи глаза, а забытые и не погасшие в костре головешки.

О деде Степане Ефимовиче Маслове

Дед по материнской линии Степан Ефимович до революции был церковным старостой в селе Илкодино, но и большим озорником. До сих пор вспоминаю его рассказ про Илью Пророка:

Илья к старости стал глуховат. Прилетел к Богу и спрашивает: «Куда мне полететь с дождем?» Бог говорит: «Лети туда, где просят». А он полетел туда, где косят. Вернулся и спрашивает: «А теперь куда?» – «Лети туда, где ждут». А он полетел туда, где жнут. В третий раз спрашивает: «Ну а теперь куда?» – «Туда, где пыль». А он полетел туда, где был...

От деда же в семье было усвоено четверостишие: «Св. Георгий во бою едет на серу коню, держит в руцех копие, тычет змия в ж-ие».

Мама рассказывала, что, отправившись в детстве к первому причастию, спросила у отца: «Что я должна делать?» Тот ей говорит: «На все вопросы отвечай: “Грешна, батюшка”. А потом посадишь его на закорки и отнесешь на колокольню». Исповедь закончилась маминым вопросом: «А когда, батюшка, тебя на колокольню тащить?» Разгневанный батюшка вечером пришел к деду, с которым душевно помирился за выпивкой.

В 1937 году дед был арестован по доносу односельчанина (по непроверенным сведениям, якобы за расшифровку аббревиатуры ВКП(б)² «Второе крепостное право (барщина)» и в 1938 году скончался в одном из мордовских лагерей.

В 1947 году мы вместе с отцом и матерью последний раз навестили бабушку, живущую еще в Илкодине. Идти надо было от станции Болдино до Илкодина 20 километров. По дороге остановились в какой-то деревне выпить молочка. Хозяйка нам его вынесла. Мама расплатилась, а та стала расспрашивать, кто мы такие и куда идем. Мама назвалась и сказала, что она дочь Степана Ефимовича Маслова. Хозяйка отдала обратно деньги со словами: «Если я возьму с вас – потомков такого святого человека – деньги за молоко, меня вся наша деревня осудит».

В 1964 году дед по решению московского областного суда был реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

Из маминых воспоминаний

В 1924 году мама учительствовала в Орехове-Зуеве. После смерти Ленина там был собран траурный митинг, на котором выступила работница одной из текстильных фабрик:

² Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

«Женщины! Женщины! Не плачьте, что вожжа умерла! У нас еще много осталось других вожжей!»

* * *

В 1937 году на первом уроке с первоклашками мама, знакомясь с ними и знакомя их друг с другом, спросила: «Дети! Кто из вас знает и может прочесть нам какое-нибудь стихотворение?» Моментально откликнулся мальчик, который, набрав в грудь воздуха, отчеканил: «Кто сказал, что Ленин умер? Я вчера его видал. Мимо нашего подъезда без порток он пробежал». Дети зашумели: «Это хулиганское стихотворение!», чем спасли маму. На уроке присутствовал инспектор Орехово-Зуевского РОНО³, очень высоко оценивший уровень детского общественного сознания и поэтому оставивший опасный инцидент без заслуженного доноса.

* * *

Орехово-зуевская газета «Колотушка» много внимания уделяла выявлению всякого рода прогульщиков и бракоделов. Когда появлялась соответствующая заметка, то про ее героя говорили: «Его протащили». В один прекрасный день в «Колотушке» появилась мамина фотография и хвалебная статья об ее педагогическом опыте. Ребятишки прибежали в класс с ликующим криком: «Елизавета Степановна! Вас в “Колотушке” протащили!!»

Мое сходство с отцом

Я родился в Вятке, куда мой отец был направлен на работу после окончания университета. Мама с ужасом вспоминала, как в вятском роддоме на соседней с ней койке крыса отгрызла нос у новорожденного младенца (а ведь могла бы и у меня!). Когда мне было всего лишь несколько месяцев, родители переехали в Орехово-Зуево, воспринимаемое мною как истинная родина, поскольку именно там жили мамины предки. Невиданная мною Вятка прочно приросла ко мне, фигурируя в паспорте и во всех анкетах как место рождения. И когда мне было уже за тридцать, я с восторгом принял предложение А. В. Арциховского посетить вместе с ним этот город. Родители снабдили меня адресом дома, в котором в 1929 году снимали комнату, и поручили передать привет и гостинцы хозяевам, если они живы. Придя по указанному адресу, я остановился перед домиком деревенского типа на улице, в перспективе которой на другой стороне реки маячило знаменитое Дымково. Постучал в дверь, из которой вышел старик. Я еще ничего не успел сказать, когда старик, внимательно посмотрев на меня, радостно закричал: «Лаврентия Васильевича сынок!..» Прошло более тридцати лет с тех пор, как он общался с моим отцом. Меня он видел, только когда я был грудным младенцем. Эффект был потрясающим. Старик не только узнал во мне отцовские черты, но и вспомнил моего отца, с которым так давно общался на протяжении всего лишь нескольких месяцев.

* * *

Нечто подобное я пережил в 2006 году, спустя 38 лет после смерти отца. Из Петербурга неизвестный мне санитарный врач Владимир Михайлович Ретнев прислал мне книгу своих воспоминаний, в которой был упомянут и мой отец – «главный инспектор по гигиене труда Министерства здравоохранения СССР, скромный душевный человек» и помещена фотогра-

³ Районный отдел народного образования.

фия группы врачей, находившихся в месячной командировке в США во главе с моим отцом. В книгу была вложена визитная карточка В. М. Ретнева, которой я воспользовался, чтобы позвонить ему в Петербург и поблагодарить. Я еще не успел назвать себя, начав только говорить о своей сердечной благодарности, когда Ретнев сказал: «Я понял, что вы сын Лаврентия Васильевича: у вас абсолютно его голос!» Я едва не разрыдался.

Школа

Москва, Донская улица

После возвращения в 1943 году в Москву на протяжении двух лет любимой моей прогулкой стало посещение Донского монастыря, а любимым занятием – уход за некой знаменитой могилой. Как-то еще в 1943 году, гуляя по кладбищу, я споткнулся и упал в заросли лопухов и крапивы, раздвинув которые прочел надпись на надгробной плите о том, что здесь покоится прах Петра Яковлевича Чаадаева. На всю жизнь я запомнил дату его кончины: 14 апреля 1856 года. Вплоть до 1945 года я регулярно посещал эту могилу и ухаживал за ней, выпалывая сорняки и возвращая месту погребения пристойный вид.

* * *

Донская улица виртуально свела меня с любимым моим писателем Иваном Сергеевичем Шмелевым, хотя впервые я познакомился с его творчеством уже зарубежного периода («Богомолье», «Лето Господне»). Правда, задним числом, я это знакомство связываю с моим детством. В конце 1936 года я заболел скарлатиной и был отправлен в орехово-зуюевскую больницу. Именно с 1 января 1937 года были разрешены запрещенные прежде новогодние елки. До больницы это разрешение не дошло. И мои родители решили устроить домашнюю елку в мой день рождения 6 февраля, пригласив на праздник моих школьных товарищей. Жили мы тогда в доме бывшего владельца купца Захряпина на втором этаже, в первом этаже располагался купеческий магазин, сторожем которого в советское время служил некий «старик Кутырин», называвший себя так, потому что до революции был денщиком генерала Кутырина. Много позднее я узнал, что И. С. Шмелев был в близком родстве с Кутыриными, которым было завещано хранение его архива.

Возвращаясь к Донской улице. Владения Шмелевых располагались в самом начале Донской улицы (в доме № 16). По инициативе главы семьи С. И. Шмелева у Калужской заставы была построена церковь Казанской Божьей Матери (в советское время превращенная в кинотеатр «Авангард», а потом разрушенная), давшая наименование Казанскому переулку. Там была расположена 7-я средняя школа, которую я окончил в 1946 году. Отец И. С. Шмелева был похоронен в Донском монастыре, куда впоследствии был перенесен прах И. С. Шмелева с кладбища Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем. Владение Шмелевых подробно описано в автобиографических романах, где оно неотделимо от семьи и домочадцев автора.

Какое-то время меня всерьез занимала одна проблема. Из справочника «Вся Москва на 1916 год» мне было известно, что мать И. С. Шмелева Евлампия Гавриловна продолжает владеть участком на Донской улице, тогда как сам И. С. Шмелев живет в доме № 10 по Житной улице в доме Бориса Васильевича Ключевского, сына скончавшегося в 1911 году великого историка Василия Осиповича Ключевского. Мой вопрос состоял в том, был ли Шмелев знаком с историком или стал квартирантом только его сына. Ответ был получен при чтении повести И. С. Шмелева «Куликово поле», которая как бы пронизана незримым присутствием Василия Осиповича Ключевского. И еще один вопрос: что разлучило Шмелева с его матерью? Ответ сохранился в архиве Кутыриных: мать поручала дворникам пороть своего малолетнего сына, когда бывала им недовольна, чего до конца своих дней он не мог ей простить.

Школа № 7

Школа № 7, которую я окончил в 1946 году, находилась в Казанском переулке рядом с французским посольством, от которого была отделена только забором. В 1944 году мы слышали о приезде в Москву Шарля де Голля и высыпали из школы, чтобы посмотреть на популярного тогда главу Франции. Шпалерами расположились у входа, когда подъехали две автомашины. Из первой вышел длинный де Голль, из второй – короткий и толстенький Бидо. Чем-то я привлек внимание де Голля, который, подойдя к мне, потрепал меня по плечу со словами «Bon garçon! Bon garçon!»⁴ Недавно я по этому поводу сочинил вирши: «Я когда-то был мальчишкой, не носил еще кальсон, а де Голль от чувств излишка говорил мне: “Бон гарсон”».

* * *

Из школьных учителей мне больше других запомнился математик Артем Артемович Оганов, у которого мы часто бывали дома, где он удостаивал нас душевной беседой. Артем Артемович на каждую контрольную давал нам по шесть или семь сложнейших задач. В результате даже самые способные получали не больше тройки. Зато как нас удивило, когда на госэкзамене нам было выдано по три задачи, и весь класс без исключения через каких-нибудь 15–20 минут справился с их решением.

Как-то я имел наглость сказать ему, что в женской школе № 585 на контрольную задают вполне посильные две-три задачи. На это я получил запомнившийся на всю жизнь ответ: «Скажи своей маме, чтобы она сшила тебе сарафан. А я тебе устрою протекцию в женскую школу».

* * *

Очень жалею, что мои друзья-одноклассники разбежались, овладев разными профессиями, но до сих пор я вспоминаю их и переживаю чувство утраты. В нашем классе примерно из двадцати ребят одиннадцать окончили школу с золотыми и серебряными медалями. Среди них мои ближайшие друзья: Вячеслав (Кома) Иванов, Дима Кучаев, Сережа Молочков, Володя Павлов, Илья Шендерович, Эдик Тадевосян. Из них я остаюсь в близком контакте с Комой Ивановым. Оба мы – академики РАН и входим в состав Историко-филологического отделения. Кома страдал костным туберкулезом, и я время от времени навещал его в Переделкине, где он лежал на даче у Ильи Сельвинского (собственная дача Ивановых тогда сгорела). Как-то я прочел на память сборник стихов Сельвинского начала 30-х годов в присутствии их автора. Он так был поражен этим обстоятельством, что, отправляясь в Москву, поставил ногу на ступеньку электрички, а другую ногу забыл на платформе. Его принесли домой на носилках, и он долго ругал меня как виновника происшедшего.

Мне сделал замечание сам Сталин

В 1946 году я окончил школу с золотой медалью и отправился подавать документы в Университет. По случаю медали экзамены мне не грозили, и в самом радужном настроении я двигался из Замоскворечья через Каменный мост. Дойдя до его конца, ближнего к Боровицкой башне, решил перейти на противоположную сторону и усмотрел вереницу машин, приближающуюся со стороны Болотной площади. Машины двигались быстро, но я-то, молодой, ощутил

⁴ Хороший мальчик (фр.).

себя еще более быстрым и перебежал им дорогу. Правда, свою заднюю ногу при этом извлек почти из-под колеса передней машины. Завершив свой подвиг, был однако удивлен тем, что прохожие на тротуаре почему-то не восхищаются моей молодой ловкостью, а уставились на этот автомобиль. Я тоже уставился и встретился глазами со Сталиным, который укоризненно кивал головой: «Ай-ай-ай, молодой человек! Нэхорошо нарушать порядок!»

Прошло много лет, когда я снова был поражен этим воспоминанием: мне показали парижский журнал, в котором была помещена репродукция с картины, изображавшей ту же ситуацию с мальчиками, глазеющими на машину, из окошка которой смотрит вождь. Картина называлась «Как я в детстве видел Сталина»⁵. Еще одна встреча со Сталиным произошла несколько лет спустя, когда я студентом ехал в Скифскую экспедицию.

Банкет в Колонном зале

После окончания в 1946 году школы с золотой медалью я был отправлен в президиум школьного выпускного вечера в Колонном зале. Как члены президиума мы участвовали во взрослом банкете вместе с товарищем Фирюбиным и другими выдающимися деятелями. Особенно запомнился тост, произнесенный неким заслуженным учителем: «Я предлагаю выпить за великую русскую литературу в лице здесь присутствующего Василия Ивановича Лебедева-Кумача!» Во время банкета нам, школьникам, выпала честь сфотографироваться со знаменитым партизаном и писателем П. П. Вершигорой, который требовал, чтобы на фотографии не было видно, что у его кителя оторвана верхняя пуговица, «а то ведь на губу посадят!»

– Товарищ Вершигора, – взмолился фотограф, – у вас же борода. За ней дефекта не видно!

– Знаю я вас, прохиндеев! Вы так снимете, что всё будет видно!

Наша фотография была напечатана в «Комсомольской правде» и не дала основания отправить Вершигору на гауптвахту.

⁵ Картина Виталия Комара и Александра Меламида «В детстве я однажды видел Сталина» (1981–82 гг.) в журнале «А – Я», 1983. Вып. 5.

Студенческие годы

Моя первая экспедиция. Новгород-1947

Передо мной лежит пачка плохоньких любительских фотографий 1947 года и среди них фото молодого человека в ватнике, с полевой сумкой через плечо и с камерой ФЭД в руках. На обороте надпись: «Дорогому В. Л. Янину от товарища по Новгородской страде 1947 г. Н. Мерперт». Я храню ее так же бережно, как полученную тогда же брошюру Николая Яковлевича о римском мече гладиусе – первую в жизни подаренную мне печатную работу с авторским автографом.

* * *

Завороженные лекциями и очевидной неповторимостью Артемия Владимировича Арциховского, мы по окончании первого курса не представляли себе иного выбора, как отправиться в свою первую археологическую экспедицию именно в Новгород. Мы – это избравшие своей профессией археологию Валя Седов, Валя Берестов, я – Валя Янин, Алла Бойман и наши друзья-однокурсники Витя Смирин, Олеся Баташева, Саша Червяков, Эллочка Викторова. Среди старших ближе всех к нам были лаборантка кафедры археологии Гайда Андреевна Авдусина и аспирант Николай Яковлевич Мерперт.

* * *

Всю работу по организации экспедиции Артемий Владимирович поручил Колчину, который ретиво взялся за дело, разослав нас, студентов, по разработанным им маршрутам. Выглядело это так:

– Э-э-э! Валя! Вы знаете, что такое социализм?

– Нет, Борис Александрович. Мы этого еще не проходили.

– Так я объясню вам: социализм – это учет. Поэтому поезжайте на Большую Калужскую в Институт гельминтологии. Там вы получите десятиместную палатку.

Вместе с Мерпертом мы были командированы на Пятницкую улицу в Академснаб получить для экспедиции энное количество аргентинских консервов «Carnecosida» и «Peitebovina». (Замечу в скобках, что в экспедиции эти консервы, поступавшие на стол в микроскопических дозах, пользовались огромным успехом, несмотря на почти всеобщую уверенность, что «козида» – это консервированное обезьянье мясо.) Томительные часы ожидания у дверей Академснаба скрашивались интеллектуальными беседами с Николаем Яковлевичем, совсем не ко времени пропагандировавшим философские концепции Бердяева.

* * *

Дорога в Новгород была много продолжительнее, чем сегодня. До конечной цели добились на экспедиционных машинах почти двое суток, с ночевкой где-то в районе Валдая. Машины были газогенераторными, работали на чурках, горевших в топках, которые были приделаны к борту кузова. Чурки добывались из изуродованного войной торцового покрытия Ленинградского шоссе. И главным шоферским инструментом был не бензозаправочный шланг, а тесак, которым мы рубили звонкие торцы на чурки. Дорога будила поэтический зуд,

становясь героем наспех сооруженных виршей: «Из-под колес измятой лентой шоссе бежит куда-то вспять, горстями можно в складках тента пыль золотую собирать...»

* * *

И вот перед нами Новгород. Растерянный, даже обескураженный, ищущий взгляд Арциховского. Ищет этот взгляд привычные довоенному глазу архитектурные шедевры новгородских окрестностей – Волотово, Ковалево, Нередицу, Кириллов. Их нет! Лишь далеко справа громоздится пробитая навылет хутынская колокольня. Нет и города. Нас встречает груда развалин, закопченных кирпичных коробок, окруженных кольцом изуродованного вала. Над валом поднимаются дымки «буржук»: совсем еще малочисленные жители Новгорода, вернувшись на свое пепелище, освоили для жизни землянки и боевые ходы бывшего немецкого рубежа обороны. От ободранных стен Детинца видны нескончаемые заросшие бузиной и лопухами пустыри, а за ними (как трудно в это поверить сегодня!) – те же дымки над гребнем вала Окольного города.

* * *

Поселяемся мы все в Златоустовской башне Детинца, на третьем этаже, в помещении, еще не утратившем запах немецкой солдатской казармы. В первую ночь дикий крик поднял всех на ноги перед зрелищем стоящего в длинной ночной рубашке и орущего с закрытыми глазами Колчина. Ему, как он объяснил, приснился сон, что кто-то ударил его в глаз молотком. Эта сцена была запечатлена Мерпертом в песне: «Когда пришли мы на покой, нам приключился сон плохой: товарищ Колчин со взглядом волчьим визжал, укушенный блохой».

На следующую ночь комната осталась за студентами. Девочек поселили на другом этаже, а начальство перебралось в Лихудов корпус.

* * *

Некоторые восстановительные работы в Новгороде уже произведены. Собран заново из демонтированных немцами деталей памятник «Тысячелетие России». Покрыт купол Софийского собора. У Магдебургских врат сидит сторожика с перевязанной шпагатом берданкой.

– Бабушка! Что сторожишь?

– Да вот золото привезли купол золотить. Его и стерегу.

– А ружье-то стреляет?

– Да что вы, родимые! Если бы стреляло, я бы со страха померла!

Среди прочих развалин возвышаются руины древних храмов с ободранными главами. Наверное, нет ни одного купола в городе и ближайших окрестностях, на котором мы не побывали!

Над Волховом против Пречистенских ворот свисают взорванные конструкции моста, которые только предстоит убрать. А на Ярославовом дворище еще не разобраны остатки торговых рядов и здания городской думы...

Зато полностью восстановлены три важнейших здания: обком партии (ныне городская больница на Яковлевой улице), областное управление КГБ (бывший дом Кузнецовых на Никольской улице около Ярославова дворища) и тюрьма. На наш наивный вопрос «Почему тюрьма выкрашена в розовый цвет?» секретарь обкома тов. Бумагин гостеприимно развел руки и сказал: «Добро пожаловать!»

* * *

Первая проблема, с которой столкнулась экспедиция, – отсутствие в малолюдном Новгороде свободной рабочей силы. Валя Седов был откомандирован к руководству лагеря военнопленных договариваться о возможности использовать на раскопках их контингент. Начальство во главе с Арциховским в полном составе ожидает результатов этой командировки. Появляется Седов. Молчит. Арциховский робко спрашивает:

– Валентин Васильевич! Удалось ли договориться?

Седов после некоторой паузы:

– Привел.

– Как привели?

– Своим ходом. За углом стоят.

За углом стояла приведенная им колонна пленных численностью в сотни две человек.

* * *

Имя трех Валентинов (Берестова, Седова и мое) немцы-землекопы воспринимали как некое должностное наименование, особенно когда выслушивали от нас противоречащие одно другому (и третьему) распоряжения. Тогда раздавался скорбный стон: «Драй командирен! Драй Валья! Унмёглихь!»

Спустя многие годы с одним из моих подчиненных землекопов-немцев я встретился на конгрессе Международной унии славянской археологии в Киеве. Это был Карл Вильгельм Штруве, ставший крупнейшим германским археологом. Я побывал у него в гостях в Киле и посетил вместе с ним место его главных раскопок в древнем Стариграде-Ольденбурге. Там мы вспомнили, в частности, и изложенный выше эпизод.

* * *

Меня, Сашу Червякова, Олесю Баташеву и Наташу Запорожец отрядили на Чудинцевский раскоп (на месте теперешнего здания областной администрации). Собственно, было два примыкающих один к другому Чудинцевских раскопа. Один снабжен дополнительной литерой «Н», им командовала Т. Н. Никольская, другой – с литерой «М» – исследовался Н. Я. Мерпертом. Сюита не очень выразительных научных результатов этого объекта запечатлена в экспедиционной песне: «Ты, Мерперт, колодец, свинарник нашел, нашел ты и перстень янтарный. И с этим ты честно в науку вошел, и все мы тебе благодарны».

Мне же больше всего запомнился эффект верхнего слоя. Когда мы выдрали с корнем лопухи и бузину (ее запах с тех пор мне ненавистен напоминанием о войне и пожарище) и вскрыли первый пласт, перед нами обнажилась линия запертых замков. Жители, покидая Новгород в 1941 году, заперли свои дома с жалким скарбом, рассчитывая вернуться, а вернувшись, застали лишь заросшее бузиной пепелище.

* * *

На Торговой стороне были возобновлены раскопки Ярославова дворища, ставшего главным объектом экспедиционных забот. Раскопы были поручены Б. А. Колчину, Д. А. Авдусину и А. Ф. Медведеву. Именно здесь были воплощены в жизнь технические замыслы и таланты Колчина. Впервые на раскопках заработали транспортеры, для отвоза земли по краю раскопа

проложены рельсы, по которым катились вагонетки. За рельсами мы съездили на разрушенный кирпичный завод в Колмово. Для замеров также впервые в нашей практике был применен нивелир, работая с которым мы постигли новый термин «колчинский аршин». Пояснение можно извлечь из следующей сценки.

Колчин: Валя Берестов! Принесите мне аршин!

Берестов: Несу, Борис Александрович! (подает метровую рейку).

Колчин: Что вы мне даете?! Мне нужен большой аршин!

Берестов несет двухметровую рейку.

Колчин: Валя! Неужели Вам непонятно, что мне нужен **БОЛЬШОЙ ЧЕТЫРЕХМЕТРОВЫЙ НИВЕЛИРОВОЧНЫЙ АРШИН!**

Технические новшества меньше всего коснулись Чудинцевского раскопа, что, по-видимому, и определило со стороны «чудинцевцев» реакцию некой неприемлемости этих новшеств, отразившуюся в экспедиционном фольклоре: «Бросайте со мной транспортер и насос, лопаты ж и здесь пригодятся»; «Потом пошли на Ярый двор, уж там маячил мухомор [так называлась шляпа Колчина с обрезанными полями. – В. Я.], товарищ Колчин со взглядом волчьим крутил дурацкий транспортер».

* * *

Софийская и Торговая стороны сообщались двумя способами. Существовали наведенный саперами в 1944 году деревянный мост с надписью на въезде «Езда по мосту шагом» и городской перевоз в виде полученного по репарациям финского пароходика «Экстра» постройки конца XIX века, который непрерывно бегал от одного берега к другому, перевозя за небольшую плату всех желающих. Экспедиционная песня 1947 года начиналась словами: «Раскинулся Волхов широко. По Волхову “Экстра” бежит. Как вспомнишь, вздохнешь ты глубоко, слеза на глаза набежит».

База экспедиции находилась в Детинце, а главный раскоп – на противоположном берегу Волхова. Запоминались связанные с постоянной нуждой в переправе эпизоды. Например, такой:

Колчин: Валя Берестов! Бегите на «Экстру» и с той же «Экстрой» возвращайтесь обратно!

Берестов: Бегу, Борис Александрович!

Колчин: Остановитесь! Вы же не спросили, зачем надо бежать на «Экстру»!

* * *

Боже, какие же мы были голодные! – и от молодости, и от эпохи, еще не отменившей продовольственных карточек.

Олеся Баташева вспоминает, как в довоенном детстве мама сажала ее маленькую к столу и говорила: «Кушай, Олесенька! Как животик достанет до стола, тогда кончай!» Естественная реакция коллектива слушателей – единогласный голодный стон.

Голодный разум рисовал аппетитные картины пищевых натюрмортов. Однажды надумали вспоминать стихи на заданную тему. Особой реакции не вызвал Державин с его шекснинской стерлядью, каймаком и плодами, смеющимися среди корзин... Объекты державинского гурманства нам ни о чем не говорили. Но пушкинское «Еще бокалов жажда просит залить горячий жир котлет» повергло в иступление.

Вспоминается эпизод, прямо связанный с неистребимым аппетитом. Около Чудинцевского раскопа остановил повозку некий мужчина деревенского вида, поспрашивал, зачем это нам старые черепки, а потом обозначил настоящую цель своей остановки. На краю раскопа лежала груда валунов, вытащенных из-под фундамента разрушенного войной дома. «Мне бы

эти булыжники для хозяйства!» – мечтательно произнес мужчина. Мерперт моментально отозвался обменять валуны на сало. Мужчина тут же согласился. Мы помогли ему загрузить телегу и продолжали свою работу, мечтательно улыбаясь. Больше мы ни этого мужчины, ни его лошади не видели.

* * *

Должен с полной ответственностью констатировать, что, еще не зная привычного нынешнему уху термина «берестяная грамота», мы уже в первый год послевоенных раскопок с трепетом разворачивали раскопную бересту, мечтая увидеть на ней древние надписи. Артемий Владимирович любил цитировать сообщение Епифаниева «Жития Сергия Радонежского» о берестяных книгах и берестяных «хартиях», призывая нас быть особенно внимательными. Никто, правда, не предугадывал, что надписи будут процарапанными. Думали о возможности обнаружить лишь чудом сохранившиеся чернильные тексты. До звездного часа новгородской археологии оставалось еще четыре года!

* * *

Праздником, который всегда с тобой, были ежесубботные экскурсии Артемия Владимировича по Новгороду и окрестностям. Излюбленным его маршрутом был путь к Перыни по берегу Волхова: «Этим путем Садко ходил на Ильмень тешить гуслиями морского царя!» До сих пор слова Арциховского звучат в ушах, когда случается бывать на песчаных берегах Волхова у Юрьевого монастыря и за Перыню у берегов Прости.

Любимым нашим воскресным развлечением было ползать на животе в солнечный день по ильменским отмелям, собирая кремневые неолитические стрелки и черепки ямочно-гребенчатой керамики. К сожалению, с появлением еще одного бьефа на Волховской гидроэлектростанции эти отмели ушли под воду, а ильменская волна плещет теперь лишь в прибрежные кусты.

* * *

Заглушая привычный голод, в сезон 1947 года в экспедиции много пели, причем в основном тексты песен сочиняли сами. У нас не было собственного композитора, в отличие от Хорезмской экспедиции, где оригинальные мелодии творил Рюрик Садоков. Поэтому пели на популярные мотивы того времени («Раскинулось море широко», «Прощание славянки», песенка из радиопостановки «Пиквикский клуб»). Но поэтического таланта в Новгороде не был лишен не только ставший большим поэтом Валентин Дмитриевич Берестов, но и другие. Среди них признанным творцом песенных текстов был и Николай Яковлевич Мерперт.

* * *

Одним из памятных событий сезона стал приезд в Новгород Михаила Николаевича Тихомирова, который именно в Новгороде и в нашем кругу пожелал отметить 800-летний юбилей Москвы. Сохранилась фотография, на которой экспедиция запечатлена вместе с М. Н. на фоне испещренной пробоинами церкви Благовещения в Аркажах. Запомнились шутливые сетования Тихомирова по поводу его путешествия. Он приехал в сопровождении завхоза экспедиции Фомичева (получившего от М. Н. почетный титул «боярский дворник») в кузове машины с разным экспедиционным имуществом: «Меня, заслуженного человека, как-никак члена-кор-

респондента, положили на корявые кишки от насоса, а боярский дворник всю дорогу нежился на мешках с мукой!»

* * *

Комплекс раскопов на Ярославовом дворище к концу сезона 1947 года не был докопан, и перед экспедицией встала непростая задача огородить котлованы до наступления следующего сезона. Купить доски или хотя бы горбыли для сооружения забора было уже не под силу, и мы, студенты, отправились в луга за Перынь собирать оставшуюся там в изобилии от военных дней колючую проволоку. Проволока была собрана, натянута на колья вокруг раскопов, которые благополучно перезимовали.

В июле 1948 года в один из воскресных дней мы отправились погулять в заперыньские луга и с некоторым содроганием наблюдали, как саперы складывают штабели изъятых из земли мин как раз там, где поверху нами была собрана в прошлом году проволока. Мины, к счастью, были противотанковыми.

* * *

По окончании раскопок Артемий Владимирович попросил меня немного задержаться в Новгороде, чтобы устроить на зиму экспедиционное имущество, остающееся там до следующего сезона. Это имущество было сложено во Входеоерусалимском соборе в Детинце, о чем от тогдашнего музейного завхоза была получена справка следующего содержания: «Справка. Выдана Новгородской археологической экспедиции в том, что ихнее научное имущество нижепоименованное, как то: 1) столов на крестовинах четыре; 2) насос-лягушка одна; 3) кишки от нее и т. д. ... сложено в Иерусалиме. А так как ключи от Иерусалима находятся у трех различных организаций, музей ответственности за сохранность научного имущества вышепоименованного не несет. Завхоз Новгородского музея *Осипов*».

Почему-то вспомнился пролог Крымской войны, связанный со спором о ключах от Гроба Господня.

* * *

Не могу не упомянуть об эпизоде, завершившем сезон 1947 года уже в Москве. Артемий Владимирович был приглашен сделать доклад о новгородских раскопках на Президиуме Академии наук. Целую ночь накануне доклада мы, студенты, под руководством неутомимого Колчина готовили выставку находок в конференц-зале Нескучного дворца: монтировали щиты, выклеивали этикетки. Около полуночи из своего кабинета появился президент Академии Сергей Иванович Вавилов, остановился около нас и застрял надолго, расспрашивая о нашей работе, о впечатлениях от нее, о жизни вообще... Эту беседу я вспоминаю как бесценный подарок судьбы, не по заслугам полученный нами, по существу позавчерашними школьниками.

Что есть мычание?

Преподаватель латинского языка Григорий Петрович Поляков из всех студентов его группы очень отличал меня и Валью Седова. Настолько, что приглашал нас к себе домой, где мы на пару исполняли роль его секретаря, записывая под диктовку разные пассажи из будущего,

но так и не состоявшегося учебника латинского языка. До сих пор помню один такой пассаж из главы о фонетике:

«Что такое мычание? “Му-у!” Или “И-и!” Мычание есть стремление животного прорвать преграду между гласными и согласными звуками. Но животным это не удалось, а удалось человеку. Как это произошло, никто не знает».

Мои однокурсники

Володя Ефремов

Когда я учился на первом курсе, существовала традиция вручать профессору по завершении цикла его лекций букет цветов и благодарить его. Прочел свою последнюю лекцию Сергей Владимирович Бахрушин, признанная красавица Эля Понс поднесла ему букет цветов, а он ее поцеловал в щечку. На этом церемония завершилась бы, если бы не Володя. Будучи контуженным на фронте, он плохо слышал и, не вполне разобравшись в ситуации, вышел к лектору с журналом своей группы, дабы лектор своей подписью зафиксировал присутствие группы на лекции, что Володя – староста группы – делал после каждой лекции, выходя к кафедре строевым шагом. Бахрушин тоже не разобрался в ситуации и решил, что ему в дополнение к букету подносят адрес. Наклонившись к Володе, он стал произносить прочувственные слова благодарности, а Володя, чтобы лучше его расслышать, наклонил к профессору ухо. Тот, в свою очередь, неверно поняв движение Володи, поцеловал его в щеку. Аудитория застонала и укрылась за пюпитрами. Подняв на нее глаза, Бахрушин вместо переполненного зала увидел полностью лишенную студентов пустоту, бросился к двери и в ужасе выбежал из аудитории.

* * *

Перед распределением выпускников на факультете несколько дней работала комиссия КГБ в поисках возможного пополнения чекистских рядов за счет оканчивающих студентов. Вызванный комиссией Володя при входе в комнату прямо от двери громко возвестил: «Прошу говорить со мной громко! Я очень плохо слышу!», на что ему дружно крикнула вся комиссия: «Можете быть свободным!»

Саша Завадьё

Завадьё подал декану истфака Георгию Андреевичу Новицкому заявление с какой-то просьбой, которую декан вряд ли мог удовлетворить. Оставив заявление у секретаря, Завадьё отправился на военную кафедру готовиться к зачету по материальной части. Там, в подвале на Моховой, он сидел, разбирая и собирая учебный пистолет ТТ. Во время этой процедуры прибежал кто-то из студентов и сказал, что Завадьё требует к себе декан. Завадьё, как был с пистолетом в руке, выскочил на улицу и, помахивая опасным предметом, прошел по улице Герцена на истфак, постучался к декану и в ответ на его приглашение сесть сел за стол напротив, положив перед собой прихваченный с военной кафедры предмет. Декан моментально оценил обстановку и пробормотал: «Товарищ Завадьё! Я вашу просьбу удовлетворяю! Желаю успеха!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.